

Ирина Мельникова

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ
КАМЕНЬ
ЛЮБВИ

Москва

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ
КАМЕНЬ
ЛЮБВИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Семейный берег. Камень любви : [роман] /
Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2026. —
352 с.

ISBN 978-5-04-238295-6

Татьяна Бекешева жалела, что приехала в Сибирь на раскопки старинной крепости: она никак не могла разобраться в своих чувствах к руководителю экспедиции Анатолию, пригласившему ее сюда. А ведь она оказалась в том самом месте, где триста лет назад встретились ее далекие предки — посланник Петра I Мирон Бекешев и сибирская княжна Айдына! В ходе раскопок они случайно наткнулись на богатое захоронение. Похоже, это сама Айдына! Потом начало твориться что-то ужасное: на охранявших найденные сокровища напали, а Татьяна стала свидетельницей ссоры археолога Федора с неизвестным, который вдруг выхватил нож и зарезал его! Неужели именно Федор навел на лагерь «черных копателей»? Татьяна вспомнила: взять его в экспедицию просил ее бывший жених!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238295-6

Светлые зори встают над степью. Прозрачные, как покрывало невесты. Нежные, словно весенние цветы. Мягкие травы купаются в росах. Тонкая дымка затягивает горы. Розовым облаком чабреца подернуты седые камни.

Медленными шажками отступает ночь, уводя за собой тишину, пропитанную пряными степными запахами. Свист и трели проснувшихся птиц наполняют мир звенящей жизнью. Вот-вот покажется солнце. Ожидание повисает в воздухе: еще мгновение... Еще...

И — вот оно! Огромное, тяжелое, багровое светило медленно, как ступали древние боги, поднимается из-за горизонта. Да и куда ему спешить, если впереди бесконечность?!

Солнце мгновенно осыпает золотом широкую и плоскую, как сказочное блюдо, степь. Оно, словно наливное яблоко, висит над бескрайними просторами, одаривая их теплом и светом, и все вокруг притихло на миг, замерло перед этим царственным величием и волшебством, замороженное чудом жизни, дивным возрождением после черноты и прохлады ночи.

Тонко ржет жеребенок, встречая первое утро своей жизни, тихо отвечает ему мать-кобылица. Гулкое эхо дремлет в распадках, но птицы уже распелись на все лады, а беспокойный жаворонок взмыл в небо — над

ковылями, над лесами, над синей подковой гор, над стремнинами рек и блюдцами озер...

Во все стороны света разлеглась внизу степь, где ровная, как полотно, где бугристая, точно кожа доисторического ящера. Скальные останцы на вершинах сопок, будто костяные гребни на его спине, а одинокие камни вокруг курганов — зубы, потерянные в жестокой схватке...

Бескрайняя, как небо, и вечная, как небо, степь. В ожерелье темных лесов, в серебристых браслетах рек. Весною, как юность, — яркая, зеленая, дразнящая и страстная, залитая сладкими для трав потоками дождя, взлохмаченная теплыми порывами ветра, согретая игривым молодым солнцем.

Осенняя степь не любит буйных красок весны. Осенью она вся в неуловимо печальных оттенках увядающей природы — манит мягким касанием ветра, летящими по воздуху тонкими паутинками, нежным шорохом опадающей листвы, горьковатым запахом полыни. И с тихой грустью прислушивается к тоскливой переключке журавлей в прохладной синеве неба. Впереди зима — долгая, с лютыми морозами, голодным волчьим воем и студеной поземкой, заметающей следы редких путников.

Но летом степь другая — с желтыми и зелеными полосками полей на склонах сопок, утренним ветром, молчанием лунной ночи, с закатами, прозрачными в июне и густыми, сочными — в июле и августе. Летом она полна благодати и зноя, от которого нет спасения даже в тени. Пестрое разнотравье лугов, парящий орел в бледной синеве неба, отары овец по сопкам, одинокая фигура всадника на холме. Из-под руки он всматривается в даль. Что он там видит, в зыбких потоках воздуха? Кого?

Молчит степь. Лишь иногда позволяет заступить на шагок в свое прошлое. Огромные камни — менгиры,

поставленные в степи неизвестно когда и неизвестно кем, — верные стражи ее тайн, ее истории. Что это за камни? Защитники от врагов? Обереги от злых духов? Пограничные столбы, отделявшие земли одного племени от другого, или древние капища, на которых степняки проводили свои обряды?

Покрытые пылью веков, изрытые морщинами — следами шальных гроз и безумной пурги, страшных морозов и дикой жары, они безмолвно взирают на седые ковыли, на стаи птиц, на одинокого волка, стерегущего логово с молодыми волчатами. Известно одно: они и впрямь реагируют на дурные помыслы. Сила менгиров передается слабому и немощному, очищает разум от скверны и страха. Многие стремятся получить частицу их энергии. Но не всем это удастся. Кого-то они одаривают теплом, кого-то отпугивают леденящим холодом...

Шаманы знают: лишь чистой души человек может коснуться древних камней. Тогда он обретет мудрость Великой Степи и давно ушедших народов. Но не будет пощады тому, кто приблизится к камням с озлобленным сердцем. И его самого, и весь его род навеки проклянут те, кто вершит судьбы людей...

Плещется степь в утренних зорях, умывается росой, смотрится в зеркало озер. По вечерам ловит последние лучи солнца, собирает и копит их в травах, листьях деревьев, в пшеничных колосьях и метелках ковыля, отчего даже в пасмурный день от нее исходит мягкое и теплое свечение. Осенью примеряет разноцветные наряды, зимой кутается в снежную шубу... Великая и загадочная степь! Бескрайняя! Щедрая! Нежная — к друзьям! Беспощадная — к врагам! Многоликая, как жизнь, и трепетная, как любовь! Древняя хакасская степь!

Глава 1

— Просыпайся, Таня! Вставай!

Кто-то тряс ее за плечо, вырывая из плена сновидений. Она с трудом открыла глаза, с недоумением взглянула в старушечье лицо. Таис? Что случилось?

Таис улыбнулась.

— Напугала ты нас. Сутки проспала. Проголодалась небось?

— Сутки? — Татьяна села на постели. — Чего ж не разбудили?

— Болезнь твоя уходила. Нельзя ее пугать. Могла вернуться, — заметила Таис. — Теперь совсем ушла.

Татьяна быстро откинула одеяло, согнула ноги в коленях, выпрямила. Слушаются! Значит, Хуртаях ей не приснилась? Но почему так горько на душе? Почему слезы готовы вот-вот вырваться наружу? Айдына? Несомненно, это ее слезы! Слезы о потерянной любви. Сердце ее сжалось. Неужели кыргызская княжна так и не встретилась с Мироном? Но отчего ж тогда в жилах Бекешевых течет кыргызская кровь? Кто ответит на этот вопрос?¹

¹ Об этих событиях читайте в романах И. Мельниковой «Фамильный оберег. Закат цвета фламинго» и «Фамильный оберег. Отражение звезды».

Она невольно коснулась пальцем серьги. Таис заметила, усмехнулась. Спросила:

— Ты ничего не хочешь рассказать о вчерашнем? Зачем пошла к озеру?

— Я видела женщину возле костра. Очень странную. Очень похожую на тетю Асю — мою покойную тетушку. Но это была не она. Молодая, красивая. С золотыми украшениями.

Татьяна посмотрела на Таис.

— Широкий обруч на шее, много браслетов. И прическа... Такие теперь не носят... Она позвала меня, и я пошла за ней. Нохай ее совсем не боялся. Ластился... И я не боялась. А потом в небо взметнулся столб света, и девушка пропала. А я поняла, что иду без костылей. Что это было, бабушка?

Старуха задумчиво покачала головой.

— Хозяйка твоих сережек приходила. Местная она, силу большую имела. Много-много лет прошло, а она этой силы не потеряла. И сюда она тебя привела, знала: здесь силу и любовь обретешь. — И повторила: — Да, любовь, и продолжение рода. Я ж говорю, твоя беда — твоё испытание.

— Тетя Ася, сестра отца, перед смертью отдала мне эти серьги и сказала, что они принадлежали Айдыне — кыргызской княжне.

— О, Айдына! — Таис вновь покачала головой. — Ее душа в этих серьгах. Никому не отдавай их. Отдашь — счастье и любовь потеряешь! Поезжай в острох, Таня! Твое счастье ждет тебя! Только впереди новые испытания. Будь готова к ним! Теперь ты сильная, справишься! Главное — не отчаивайся и не снимай серьги!

Таис говорила с теми же интонациями, что и Ончас. Даже слово «острох» произнесла так же, как тетка Айдыны.

Ирина Мельникова

— Я поняла! — сказала Татьяна. — Я не расстанусь с серьгами.

Она засмеялась и спустила ноги с кровати. Господи, неужели кончились ее мучения?

— Иди умойся! Толик за тобой машину прислал, велел ехать быстрее, — Таис удрученно вздохнула. — Сказал, что в лагере позавтракаешь! Но хоть молока попей. А то, гляжу, совсем худая. Ветер подует — унесет!

Татьяна снова засмеялась и вышла из юрты. Подставив лицо солнечным лучам, потянулась. Хорошо-то как! И легкость в теле необыкновенная.

Неподалеку совсем еще молодой парнишка, открыв капот «уазика», разглядывал что-то в моторе. Брезентовый верх у машины был откинут, и Татьяна тотчас представила, как это здорово — мчаться в открытой машине. Почти так же, как скакать верхом, подставляя лицо степному ветру.

Завидев Татьяну, водитель поднял голову, вытер руки тряпкой и спросил:

— Это вас в лагерь нужно отвезти?

— Меня, — отозвалась Татьяна и, заметив удивленный взгляд, брошенный на ее ноги, усмехнулась. — Я теперь резво бегаю. Могу и на своих двоих добратсья. Тут же недалеко?

— Да я ж ничего... — засмутился парнишка. — Зачем на своих двоих? Домчу как положено!

— Тогда подождите еще минут пять! Умоюсь, и поедем.

Татьяна направилась к алюминиевому чайнику вместо умывальника. И это тоже обрадовало ее. Вода оказалась прохладной и приятно освежила лицо.

Вышла из юрты Таис, протянула кружку молока и теплую булочку.

— Посешь-ка, а то пока их завтрака дождешься...

Через какое-то время Татьяна уже сидела в машине. На всякий случай прихватила с собой папку с бумагой

для рисования. Радостное возбуждение не проходило. Она представляла, как удивится Анатолий, когда увидит ее без костылей. Впрочем, она надеялась увидеть в его глазах не только удивление...

А машина мчалась сквозь степь, покрытую мягким ковром молодых трав, с разбросанными тут и там куртинами синих и желтых ирисов. Громоздился впереди серые сопки, поросшие редкими березняками и лиственницами — еще прозрачными, в кружевном уборе новой листвы.

Славно-то как! Татьяна зажмурилась, подставляя лицо теплomu ветру, который пах солнцем и травами. Эти ароматы кружили голову, и она уже не сомневалась, правильно ли поступила, приехав сюда. Ведь вокруг абсолютно чужие люди. Но теперь неважно, как они к ней отнесутся. Раньше она боялась жалостливых взглядов, стеснялась своей болезни и той неловкости, которую испытывали всякий раз окружающие, заметив ее костыли. Но теперь костыли в прошлом, и поэтому прочь сомнения, прочь тревоги! Она начинает новую жизнь, в которой не будет места боли и отчаянию!

Лагерь показался неожиданно. Разноцветные шатровые палатки на высоком берегу Абасуга, сосновый бор... Сердце ее замерло. Затем она увидела Анатолия в шортах, выцветшей майке и старых кедах. Весело улыбаясь, он снял с головы армейскую панаму, помахал ею и поспешил навстречу машине.

Водитель заглушил мотор. Татьяна открыла дверцу и прыгнула на землю. Прихватив папку с бумагой, направилась к Анатолию. В душе у нее все ликовало. А он стоял — смущенный и растерянный, и, видно, оттого, что ничего путного не пришло в голову, спросил, слегка заикаясь:

— А-а, г-где твои костыли?

— Костыли я выбросила, — ответила она лихо и крутанулась на пятке. — Мне идет без них?

— Таня! — Анатолий наконец опомнился, взял ее за руки. — Не верю своим глазам! Что произошло? Таис ничего мне не сказала. Только сообщила, что ты спишь без просыпу вторые сутки. Я стал беспокоиться. Велел разбудить тебя!

— Таис, наверно, побоялась сглазить, — улыбнулась Татьяна. — Честно сказать, я сама подумала, что все мне приснилось. Нет, не приснилось! Видишь, хожу, и даже пытаюсь бегать.

— Насчет бега ты осторожнее, — нахмурился Анатолий. — Но, согласись, все как-то странно...

— Ты разве не рад? — спросила тихо Татьяна. — Что-то изменилось?

— Глупости! — Анатолий обнял ее за плечи, посмотрел в глаза. — Теперь все намного проще.

Он взял ее под руку.

— Бабка возила тебя к Хуртаях?

— Возила, — кивнула Татьяна. — Но я еще до поездки пошла.

— Ни с того ни с сего пошла? — Анатолий подвел ее к скамье возле стола. — Присаживайся! Сейчас подадут завтрак.

Татьяна оглянулась по сторонам.

— А где остальные?

— Давно на раскопе, с восьми утра. Я там уже побывал, вернулся позавтракать с тобой.

— Я отвлекаю тебя от дел?

— Мои дела вовек не переделаешь. Дойдут и до них руки, — усмехнулся Анатолий. — Позавтракаем и направимся на раскоп. Тебе ведь интересно посмотреть, чем мы там занимаемся?

— Интересно, — она помолчала мгновение. — Дедушка тоже был археологом и все время говорил: «Вот подрастешь, возьму тебя в экспедицию». Но его не стало, когда мне было семь лет. Так и не получилось побывать на раскопках.

— Я знаю, — Анатолий задумчиво посмотрел на нее. — Академик Евгений Юрьевич Бекешев. Профессор Ларионов, мой учитель, ездил с ним в экспедиции, будучи аспирантом.

И снова в упор посмотрел на нее.

— Расскажи, как случилось, что ты рассталась с костылями?

Татьяна пожала плечами.

— Сама не знаю, как случилось... Сидела возле юрты, засмотрелась на озеро, встала и пошла. И только потом опомнилась, что иду без костылей. Испугалась, упала... Прибежали Таис и ее внук Каскар, студент на практике в племовцесовхозе... Словом, в юрту я вернулась без их помощи!

Она старалась говорить спокойно, буднично, словно все происшедшее с нею было вполне объяснимым, обыденным делом. О привидевшейся ей женщине Татьяна благоразумно промолчала. Еще непонятно, как отреагирует на это Анатолий, не примет ли за большие фантазии?

— Чудеса, да и только! — произнес Анатолий и отвел взгляд. Похоже, он ей не очень поверил.

Девушки-поварихи тем временем накрыли стол, принесли чайник с кипятком, поставили блюдо с горячими пирожками, миски с молочной кашей.

Татьяна сглотнула слюну. Надо же, думала, что вполне обойдется молоком и булочкой. Но аппетит на свежем воздухе разыгрался чуть ли не зверский. Боже, что будет с ее фигурой к концу сезона?

Анатолий с довольным видом потер ладони.

— Налетай! Отведаем, что наши искусницы приготовили!

Они пили чай, поглощали с завидной скоростью пирожки и больше молчали, обходясь короткими фразами, — оба чувствовали странную неловкость, скованность, словно в предчувствии чего-то важного, что вот-вот должно произойти.

Наконец Анатолий отставил пустую чашку, посмотрел на Татьяну. Взгляд у него снова стал задумчивым.

— Ты хорошо сделала, что согласилась съездить к Хуртаях. Многие не верят в то, что древние изваяния несут в себе силу.

— Силу? — изумилась Татьяна. — Выходит, Таис не просто так возила меня к Хуртаях? Это ты попросил ее?

— Нет, не просил. Но Таис знает обо всем и обо всех больше, чем мы думаем, только не сознается, — усмехнулся Анатолий. — Вон как глаза заблестели, когда твои серьги увидела. Так что не бойся, к Хуртаях вы не зря ездили.

Он поднялся на ноги. Посмотрел сверху вниз на Татьяну.

— Поверь, тут все пропитано магией древности — воздух, земля, деревья, камни. И время порой замедляет свой бег. Приглядись, послушай, как звучит степь. Зовет, манит... — И улыбнулся по-детски, смущенно. — Ты это скоро поймешь. И будешь возвращаться сюда снова и снова, если не захочешь остаться здесь навсегда...

— А ты романтик! — улыбнулась Татьяна.

— Это возбраняется? — удивился Анатолий. — Кроме работы человеку нужны хоть маленькие, но радости. Молодежь здесь заводит романы, орет песни возле костра. А тем, кто постарше, вполне хватает красок Хакасии. Разве плохо, если после раскопа, а он порой изматывает до изнеможения, человек хочет насладиться покоем и красотой, которых не найдешь в городах?

— Прости, совсем не хотела тебя обидеть, — повинилась Татьяна. — Мне тоже здесь нравится. Я так тебе благодарна, что вытащил меня в экспедицию! Но я не буду обузой. Хочу работать на раскопе. Ведь вы не только фотографируете находки, но и зарисовываете их?

— Обязательно! Работы прибавится всем, и для тебя найдется занятие, если не передумаешь. Но давай дня три подождем. Пока оглядишься, разберешься, что к чему. Придется работать на солнце, в жару. Весь световой день. Правда, после обеда, в самое пекло, даем людям передохнуть. Сиеста, так сказать. Но многие и в перерыве работают. Выдержишь?

— Постараюсь, — Татьяна улыбнулась.

Анатолий посмотрел на часы.

— Четверть часа у нас еще в запасе. Захватим сотрудника и поедем на раскоп. Тут с километр всего. — И спросил: — Может, еще чаю? Вон еще сколько пирожков осталось.

И она не смогла отказаться.

Глава 2

Пятнадцать минут прошли, чай был выпит, пирожки доедены, а сотрудник так и не появился.

Анатолий бросил взгляд на часы, перевернул пустую чашку вверх доньшком и посмотрел на Татьяну.

— Помнишь, в больнице ты говорила о книге какого-то немца, которая хранилась в вашей семье. С портретом Мирона Бекешева...

— Помню, — кивнула Татьяна. — Но никогда ее не видела, только слышала пару раз, что была такая. Тетя Ася мимоходом вспоминала. Но она родилась в тридцать втором году, так что в войну ей было совсем мало лет. Книгу помнила слабо и точно не знала, то ли в войну пропала, то ли позже потерялась. Исчезла, и все. Причем единственная из старинных книг. Ее мама в блокаду сберегла библиотеку, ни одна книга не пошла на растопку.

— А позже она не пыталась узнавать у твоей бабушки, куда эта книга подевалась?

— Мама у нее умерла в пятидесятом, после того как дедушку в сорок девятом арестовали. В одно время со Львом Гумилевым.

— Да, я знаю об этом, — кивнул Анатолий. — Оба были осуждены на десять лет и отбывали срок сначала под Карагандой, а затем недалеко отсюда, в Междуреченске.

— Дедушку в пятьдесят шестом освободили и реабилитировали, но он перестал заниматься древними тюрками, увлекся археологией. В пятьдесят седьмом он снова женился, а в пятьдесят восьмом родился папа. Так что *моя* бабушка — мачеха тети Аси, и, скорее всего, о книге ничего не знала.

— В те годы история тюрков, в том числе енисейских кыргызов, практически была под запретом. Ведь она противоречила идее мирного освоения восточных земель. Хотя лет триста-четыреста назад главным занятием русского человека в Сибири были не землепашество и даже не промысел зверя, а война.

Анатолий помолчал мгновение, словно собиравшись с мыслями, и заговорил снова:

— Меня эта книга сильно заинтересовала. Если она о Сибири, да еще с парсуной¹ Мирона Бекешева, то, чем черт не шутит, вдруг в ней упоминается Абасугский острог? Принялся искать. Практически пошел туда — не знаю куда, искал то — не знаю что. Ни имени автора, ни года издания. И все же кое-что откопал. В одном из научных журналов обнаружил

¹ Парсуна(-ы) (искаженное *persona* — личность, особа) — портреты реальных исторических лиц, создававшиеся в традициях иконописи. По сути, первые светские портреты.

статью твоего деда. Датирована сорок седьмым годом. А в списке источников — книга некоего Германа Бауэра, изданная не в конце восемнадцатого века, а в 1728 году в Санкт-Петербурге. Называется «Моя жизнь в Сибири». Понимаешь, «моя жизнь»? Однозначно — не описание с чужих слов, чем грешили рассказы других путешественников. Многие из них даже не бывали в Сибири. Для иностранцев все земли, что за Уралом, были за семью печатями. Русские власти боялись шпионов, которые могли бы разузнать короткий путь в Китай. Сведения об открытиях во время экспедиций в Сибирь считались секретными, и путешественники подписывали обязательства об их неразглашении. Поэтому за Урал мог попасть только тот иностранец, который устраивался на русскую службу пожизненно.

— Герман Бауэр? Ты сказал: Герман Бауэр? — Татьяна сжала кулаки, чтобы унять дрожь в ладонях.

— Тебе знакомо это имя? — быстро спросил Анатолий.

— Нет-нет, — смутилась Татьяна. — Выходит, он был русским подданным?

— Скорее всего! При Петре Первом немало немцев находилось на русской службе.

— Но как дедушка мог упомянуть эту книгу, если она исчезла?

— Выходит, в то время еще не исчезла, — с торжеством в голосе произнес Анатолий. — Возможно, ее спрятали уже после войны. Перед арестом твоего деда или чуть позже. Я подозреваю, что о тайнике знала только мать Анастасии Евгеньевны. Но она умерла, а тайник так и остался тайником.

— Но с какой стати ее надо было прятать? — удивилась Татьяна.

— Пока не знаю. Книга, скорее всего, вышла, как сейчас говорят, малым тиражом, и один экземпляр на-

верняка был подарен Мирону Бекешеву. Это косвенно подтверждает, что они были знакомы с Бауэром. Но издание было почти сразу уничтожено. Кажется, что-то в ней не понравилось церкви.

— И что ж ей могло не понравиться?

— Многое, наверно! Русские, жившие в Московии, считали свою землю средоточием святости и ритуальной чистоты. Это главное в идее псковского старца Филофея о Третьем Риме. Другие земли рассматривались как страны нехристианские, нечистые, в которых православному человеку побывать — большой грех. Еще в начале XVIII века священник узнавал на исповедях, не ездил ли кто в землю нехристей, не попадал ли в татарский плен и так далее. Естественно, подобные грехи православному человеку прощались, но пребывание в нечистых землях считалось все-таки нежелательным.

— Надо же, — удивилась Татьяна, — я как-то никогда не задумывалась... Точнее, даже не знала.

— Конечно, этого нет в школьных учебниках, — усмехнулся Анатолий. — На самом деле завоевание Сибири считалось делом греховным, ведь русскому человеку волей-неволей приходилось жить долгое время в нечистой земле, а кому-то оставаться там навсегда. По сути, в Сибирь поначалу попадало всякое отребье, которому плевать, в какой земле жить. К тому же сибирские воеводы и попы стремились быстрее привести местные народы под власть русского царя, окрестить их и, соответственно, очистить Сибирь от греховности, сделать ее мало-мальски пригодной для проживания истинно православного люда. Признаться, русских в отношениях с местными народами интересовали только три вещи — дадут ли клятву верности царю, принесут ли ясак и примут ли крещение. И очень обижались, когда инородцы упорствовали.

— Ясное дело, упорствовали, — вздохнула Татьяна. — Я хоть и не сильна в истории, но и то понимаю, что кыргызы не спешили принять чужую веру.

— В том-то и дело, что не только не спешили, но и сопротивлялись. Бывало, даже убивали священников. Жгли храмы, монастыри. Подозреваю, что Бауэр, как лютеранин, не слишком лицеприятно отзывался о сибирских священниках, которые и жизнь вели отнюдь не праведную, и слишком ретиво обращали инородцев в православие. Отчего и бунты случались, и восстания. А это опять же противоречило национальной идее мирного заселения Сибири. К сожалению, даже в западных библиотеках нет книги Бауэра.

— Жалко, что книга пропала, — вздохнула Татьяна. — У нас в семье разговоров о ней никогда не заводили, по крайней мере, на моей памяти. Пропала и пропала. Я даже представить не могу, куда ее умудрились спрятать. Думаю, дедушка отыскал бы книгу, если бы знал о тайнике. А интересно было бы заглянуть в нее! Думаю, многие вопросы отпали бы сами собой.

— Естественно, отпали бы! Возможно, удалось бы скорее найти Абасугский острог. А может, и нет! — сказал Анатолий с задумчивым видом. — Вдруг я ошибаюсь и в книге Бауэра о нем нет ни слова? Авторы большинства книг о Сибири пользовались довольно расплывчатым, но обильным источником — устными рассказами самих сибиряков. Известно, что местный народ недоброжелательно относился к чужакам, тем более к иностранцам, подозревал их в хитрости и коварстве. Похоже, что и сами рассказы сибиряков — не более чем насмешка и даже издевка над заезжими чужаками. Поэтому многое из того, что происходило не только в Сибири, но и в России, для иностранцев оставалось за семью печатями. Вот и распускали они по свету всякие нелепицы, не опасаясь, что кто-то сумеет